

и неразвитости, порождающие ощущение «метафизического ничтожества».

В нашем аспекте в романе «Накануне» интересен мотив урбанистической природы, относящийся к пребыванию Инсарова и Елены в Венеции, а биографически – к впечатлениям самого Тургенева, который был в этом городе во время написания романа. Венеция настолько насыщает «глаз» рассказчика, что у него иногда не хватает слов, чтобы запечатлеть и описать всю его красоту. Два важных аспекта в этих описаниях. Культивированная органика в Венеции болеет – деревья в ней «чахоточные» («их каждый год сажают, и они умирают каждый год»), живые в ней дома и море. Венеция – это творение, обретшее жизнь, полную чувств и эротизма. Описание ее женской красоты снимает почти всякую метафоричность, и в контексте романа она едина с природой естественной: «Подобно весне, красота Венеции трогает и возбуждает желания; она томит и дразнит неопытное сердце, как обещание близкого, не загадочного, но таинственного счастья... все в ней обвеяно дремотной дымкой какой-то влюбленной тишины; все в ней молчит, и все в ней приветно; все в ней женственно (курсив наш – И.Т.), начиная с самого имени; недаром ей одной дано название Прекрасной» (VI, 276; курсив автора – И.Т.). Как истинная природа, Венеция не поддается схватыванию знаками или красками. Таким образом, урбанистическая природа в «Накануне» не стоит в оппозиции к естественной и обладает в дискурсе писателя той же женской телесностью; в этом проявляется отличие Тургенева от традиционной русской литературы, начиная с Пушкина.

Примечания

1. Зеньковский В.В. Мирозерцание Тургенева Литературное Обозрение. 1993. №11/12.
2. Там же. С. 48–49.
3. Все ссылки на тексты Тургенева будут даваться по изданию: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30т. М. 1978–1982 с указанием в скобках номера тома римскими и страницы арабскими буквами.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М. 1999. С. 223.

© О.Н. Турышева
Екатеринбург

МИФОЛОГЕМЫ ДОСТОЕВСКОГО В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

(К анализу проблемы мифопоэтичности художественного сознания Достоевского)

В отечественной филологии последних десятилетий мысль о мифопоэтичности художественного сознания Достоевского получила более чем развернутое обоснование. При том, что уже принято говорить о

существовании единого процесса мифологизации в русской литературе XIX в., Достоевский считается одним из самых ярких в русской классике писателей-мифологов, писателей мифопоэтической и мифотворческой направленности. Однако данная проблема имеет целый ряд аспектов, подчас предполагающих не только отдельный самостоятельный предмет изучения, но и, отчасти, специфический поворот в использовании общей мифокритической методологии.

Цель доклада – выделить данные аспекты в области изучения мифопоэтичности художественного творчества Достоевского и, вследствие существования определенной многосмысленности в употреблении мифокритической терминологии, уточнить сферу применения того или иного термина.

Первый аспект – это изучение мифоподобия художественного мира Достоевского, то есть его соответствия архаической мифопоэтической традиции, которое проявляется

а) в воспроизведении писателем тех или иных черт мифологического сознания (синкретизм, анимизм, бинарность и т.д.);

б) в ориентации писателя на мифологические структуры в сюжетопостроении и создании образа;

в) в воспроизведении в собственном творчестве тех или иных универсальных мифологических образов, сюжетов и мотивов, которые в тексте могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

В связи с исследованием мифологических основ сюжета Достоевского профессором МПУ С.М. Телегиным был предложен даже особый метод – «метод мифореставрации», то есть реконструкции архаических схем, лежащих в основе повествования. Собственно в рамках данного метода выполнена известная работа В.Н. Топорова «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления», которая доказывает факт применения Достоевским архаических ходов мифопоэтического мышления. Следы литературной архаики в творчестве Достоевского исследует также Е.М. Мелетинский в работах «Архетипы в литературе» и «Достоевский в свете исторической поэтики». Архетипичность Достоевского он связывает с разработкой мифологической формулы о борьбе космоса с хаосом и с разработкой архаических представлений о герое и антигерое. Наличие в творчестве Достоевского глубинных пластов языческого дохристианского фольклорного сознания обнаруживает также И. Волгин; а М.М. Бахтин, как известно, доказал наличие в творчестве Достоевского карнавальных мифологем раблезианского типа. Исследованию участия в сюжетопостроении романа Достоевского сакральных библейских сюжетов посвящен ряд работ П. Торопа и других авторов. Широко также исследована ориентация Достоевского на те литературные прецеденты, которые в силу своей семантической насыщенности, обобщенности, значимости и продуктивности обрели статус мифологических образов (Эдип, Гамлет, Каин, Фауст, Дон Кихот, Дон Жуан и др.).

Второй аспект – изучение собственно мифотворчества Достоевского. Если выявление аналогий художественного мира Достоевского с мифопоэтической традицией принадлежит в первую очередь к области исследования формотворческой деятельности писателя (так как ориентация на мифологическую традицию определяет внутреннюю структуру произведения), то мифотворческая деятельность художника свидетельствует в большей степени о ее смылосозидательной направленности. (С.М. Телегин отводит мифу только уровень формообразования: «В творчестве Достоевского мы сталкиваемся с произведениями, мифологическими по форме и христианскими по содержанию. Законом литературного мифотворчества является то, что формообразующим началом текста является именно мифологическое сознание» (1). Разведение понятий «мифоподобие» и «мифотворчество» позволяет, на наш взгляд, преодолеть данное ограничение функций мифа в процессе создания новой художественной реальности.)

Достоевский безусловно является создателем персональной интеллектуальной мифологии, которая выстраивается в его творчестве в первую очередь в результате осмысления традиционной христианско-православной мифологии. Оригинальная авторская мифология Достоевского складывается, как известно, из ряда ветхо- и новозаветных мифов, содержащих семантику испытания и спасения (история потопа, воскрешение Лазаря, евангельская биография Христа и др.), а также житийных мифов. Опора Достоевского на библейскую и житийную традицию хорошо исследована, однако в первую очередь акцентируются именно факты заимствования, ориентации Достоевского на эти мифологические образы и схемы, факты их «эксплуатации»; в то время как у Достоевского наблюдается подчас сознательная перелицовка традиционного мифа, радикальная трансформация его содержания (о трансформации архетипов у Достоевского пишет Е.М. Мелетинский, но в данном случае под трансформацией архетипов подразумевается их углубление и обогащение историческим содержанием; сознательное разрушение мифологического стереотипа и травестирование его сюжета у Достоевского, насколько нам известно, еще не было предметом изучения).

Очевидное подтверждение описанному явлению мы находим в романе «Братья Карамазовы» – в сценах благословения Зосимой Ивана и коленопреклонения старца перед Дмитрием. Здесь отчетливо обнаруживается библейский архетип легенды о блудном сыне, но категорически трансформированный с точки зрения смены жестов на противоположные и с точки зрения перераспределения хронологической последовательности событий: не возвращающийся сын преклоняет колени перед прощающим и принимающим отцом, а благословляющий отец преклоняет колени перед сыном, настаивающим на праве собственного трагического опыта.

Подобное разрушение традиционного содержания мифологического образа с последующей оригинальной ремифологизацией встречается у Достоевского неоднократно (например, мотив отвергнутого рая и др.) и свидетельствует именно об оригинальной мифосозидательной направленности творчества Достоевского. Недаром современники Достоевского упрекали его в искажении истинной сущности христианского вероучения вследствие абсолютизирования им идеи любви и милосердного всепрощения.

В нашем литературоведении уже предпринимались попытки реконструкции оригинального мифа Достоевского, универсально проявляющегося во всем его творчестве. В изложении М.Е. Мелетинского, основной миф Достоевского представляет собой повествование о великом грешнике, который «в опыте собственной личности преодолел демоническое начало и пришел к добру и гармонии», хотя, с точки зрения Е.М. Мелетинского, «Достоевскому не удалось изобразить этот процесс гармонизации во времени» (2). Данной концепции, опирающейся на авторитет Ю.М. Лотмана, не противоречит и реконструкция Л.В. Карасева, который связывает содержание персонального мифа Достоевского с темой преодоления героем «пороговой ситуации». Таким образом, оригинальный мифосюжет Достоевского видится в повествовании о грешной, глубоко противоречивой человеческой душе на пути к возрождению и духовному спасению.

С.М. Телегин основной миф Достоевского связывает с утопическим повествованием о возрождении золотого века благодаря «чувству всеобщей скорбящей любви во спасение человечества».

На наш взгляд, можно говорить не только об отдельных авторских мифологических образованиях в творчестве Достоевского, но и об авторской мифологической системе, так как в творчестве Достоевского мы обнаруживаем оригинальную мифологизацию мироздания, оригинальную мифологизацию истории и оригинальную мифологизацию человеческой природы.

В основе космологии Достоевского лежит представление о дисгармонии мира: для мироощущения героев Достоевского характерен образ мира не как космоса (устойчивого, упорядоченного, исполненного высшего смысла), а как хаоса, что и вызывает в герое бунт против основ мироздания. Но если сознание героя моделирует мир как хаос, то авторское художественное сознание моделирует образ мира как борьбы хаоса и космоса (по мысли Е.М. Мелетинского).

Антропологическая мифология Достоевского основывается на центральной идее о «глубине онтологической значительности» человеческой природы, которая заключается в «тайнственности, неисследимости, бесконечности и бездонности» и находится «по ту сторону добра и зла» (С. Франк). Это представление об изначальной онтологической противоречивости человеческой природы, очевидно, и лежит в основе перели-

цовки тех традиционных мифологических образов и сюжетов, которые связаны с оценкой человеческих проявлений: блудный сын у Достоевского достоин благословения не по факту покаяния, а по факту поиска; а грех оказывается необходимым условием на пути к богу

Интересно, что Е.М. Мелетинский считает Достоевского первым русским художником, который перенес архетип борьбы добра со злом (космоса с хаосом) в глубь человеческой души, открыв феномен онтологической противоречивости человеческой психологии; а И. Волгин считает, что Достоевский, строя свой миф о человеке, в душе которого «Бог с дьяволом борются», воспроизводит языческие дохристианские представления о том, что человек был сотворен в результате сотрудничества Бога и дьявола: в акте творения человека, как свидетельствует языческий миф, запечатленный, в частности, в «Повести временных лет», они выступают партнерами, откуда и происходит изначальная двойственность человека.

Наконец, мифологизация истории в творчестве Достоевского состоит в мифомоделировании исторического развития человечества, при котором утрата золотого века не мыслится окончательной, а восстановление его связывается с приятием человеком образа Христа, осознанием сути христианской религии, что с неизбежностью повлечет за собой «изменение физической природы человека» и обретение бессмертия (публицистический вариант исторического мифа Достоевского изложен в статье «Социализм и христианство»). Достоевский опирается здесь на древние циклические представления об истории человечества, на древние мифы о золотом веке и эсхатологические мифы, но в то же время вносит оригинальное содержание.

Итак, мифопозитивность художественного мира Достоевского заключается, во-первых, в его мифоподобии, аналогичности мифологическому мышлению и мифопозитивской традиции; и, во-вторых, в его мифотворческой направленности.

Однако, как известно, мифологическая природа художественного образа актуализируется вследствие

- а) его причастности к изначальным человеческим представлениям;
- б) его повторяемости, продуктивности, «вездесущности» (К.Г. Юнг), «энергетичности» (В.Н. Топоров).

В связи с этим третий аспект в изучении мифологической природы творчества Достоевского должен быть связан с исследованием функционирования его оригинальных мифологем в мировой литературе, так как именно регулярная актуализация образов, воспринимаемых в качестве образцов, свидетельствует об их мифологическом статусе. Данный аспект в исследовании принадлежит уже области рецепции творчества Достоевского и подразумевает использование в зарубежных литературах устойчивых мифомоделей, принадлежащих Достоевскому.

Западноевропейская публицистика, посвященная Достоевскому, позволяет обоснованно говорить о доминирующем в культурном сознании Европы восприятии творчества Достоевского как актуальнейшего первоисточника откровений и пророчеств. И. Волгин, анализируя «русский след» в современной западной литературе, пишет: «Есть признаки того, что отечественная литература... XIX – н. XX вв. со своими – преимущественно трагического склада – творцами, превращается в одну из современных культурных мифологий. Наподобие того, как античные и библейские мифы питали культуру Средних веков, Ренессанса, Нового времени, так и классическое русское искусство делается источником для мировых обобщений» (3). Причем среди русских писателей именно Достоевский, пожалуй, является в западном сознании центральной фигурой, его творчество воспринимается как своего рода точка отсчета для европейской литературы. Так, Ницше считал творчество Достоевского «самым достоверным психологическим материалом»; С. Цвейг писал, что «Достоевский неотделим от таинственных истоков бытия»; а Г. Гессе в статье о романе «Братья Карамазовы» характеризует его как «роман-миф» именно потому, что в нем, с точки зрения немецкого писателя, совершается творение «новой культуры и новой морали», необычайно актуальной для современной Гессе кризисной Европы. Наконец, современный немецкий исследователь В. Казак характеризует творчество Достоевского как «один из мощных истоков европейской культуры» (4).

Влиянию Достоевского на творчество западноевропейских писателей посвящена обширная литература. Однако в качестве продуктивной моделирующей системы оно не рассматривалось. Среди наиболее актуальных для западноевропейского художественного сознания мифологем Достоевского мы выделяем следующие группы:

а) **мифологические образы**, центральной среди них является мифологема психологического подполья (Ф. Кафка, Т. Бернхард, Д. Фаулз, А. Мердок, Е. Пильх и др.);

б) **мифологические сюжеты**, центральной среди них является мифологема преступного эксперимента и зла как способа жизнестроительства (от О. Уайльда и Р.Л. Стивенсона до А. Камю, Ф. Мориака и Д. Фаулза).

Примечания

1. Телегин С.М. Основной миф у Достоевского // Литература в школе. 1998. № 4. С.44.

2. Мелетинский Е.М. Достоевский в свете исторической поэтики. М. 1996. С.16–17.

3. Волгин И. Из России с любовью? // Иностранная литература. 1999. № 1. С.239.

4. Казак В. Достоевский глазами немецких писателей // Вопросы литературы. 1991. № 9/10. С.139.